

Фиаско КРАСНОЙ ШАПОЧКИ

убийства
и КОТИКИ

Елена
Логунова

Убийства и котики

Елена Логунова

Фиаско Красной Шапочки

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Фиаско Красной Шапочки / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2026 — (Убийства и котики)

ISBN 978-5-04-246112-5

Писательница Елена, ее боевая подруга Ирка, Ленина тетя Ида и ее закадычная приятельница Марфа Зарецкая просто хотели провести фотосессию на живописном Сестрорецком болоте. Но обнаружили труп мужчины в красной бейсболке! А вскоре Марфинька узнала о приезде в Петербург Джорджа Вильерса-младшего, сына ее давнего возлюбленного, английского журналиста, которого она в 1970-е годы прозвала Бэкингом. Это событие воскрешает в памяти подруг историю прерванного романа, которому помешал другой поклонник Марфиньки — советский офицер спецслужб. Вскоре выясняется, что убитый в болоте — бывший коллега тети Иды, в прошлом руководившей засекреченным конструкторским бюро. Связь между этими событиями начинает проясняться, когда в квартире Марфиньки происходит погром. Лена, Ирка и проницательные пожилые леди начинают свое расследование, в котором им активно помогает роскошный серый кот Волька! Писательница Елена и ее неунывающая подруга Ирка — героини многих иронических детективов Елены Логуновой. В ее новом остросюжетном романе «Фиаско Красной Шапочки» они снова берутся за свое! Эти энергичные дамы жить не могут без криминальных приключений и всегда встают на защиту справедливости. А помогают им родственницы — отважные старушки, которые расследуют преступления в стиле знаменитой мисс Марпл, и их невероятно умный кот!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246112-5

© Логунова Е. И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	9
Глава 1. Проблемная прогулка по болоту	11
Глава 2. К нам едет Бэкингом!	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Логунова
Фиаско Красной Шапочки

© Логунова Е.И., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Главпочтамт, оказывается, давно уже куда-то переехал. Он и не знал. Не пользовался почтой – сколько? Да лет, наверное, двадцать.

Была бы у него пенсия, ходил бы на почту получать ее, а так – зачем? Ему никто ничего не присылал, он кому-то – тем более. Что он мог кому-нибудь послать, кроме проклятий?

В почтовом отделении у Финляндского вокзала было немногочленно, но под высоким потолком гуляло эхо, умножая и усиливая даже редкие звуки и тихие голоса. Ему казалось, что его ручка скрипит, как снежный наст под ногами.

Он не сообразил сразу взять талончик – не знал про электронную очередь – и потерял время. Впрочем, он никуда не спешил, а в почтовом отделении было тепло и сухо, чего ж не посидеть.

Долго рассиживаться, впрочем, не вышло: синих дырчатых кресел для ожидающих было меньше десятка, а в очереди стояли все больше девки да бабы. Он мог бы и не уступать свое место, сам уже дед семидесяти пяти лет, и ноги у него больные, но почему-то даже без просьб подскочил и просипел: «Садитесь!».

Как это говорили в советские времена? «Бытие определяет сознание». Вымылся, оделся в чистое, притворился приличным человеком – обязан вести себя соответственно.

Намылся он в бесплатной душевой при церкви, седые волосы аккуратно причесал, надел чужое пальто, слишком просторное, но чистое. Не пил! Руки, давно привыкшие дрожать, сжал в кулаки от напряжения.

Когда подошла его очередь, пошел к стойке с неестественной, вымученной решительностью человека, идущего к краю пропасти.

– Мне, – голос скрипел, как прежде ручка, – письмо отправить. В Англию.

Почтальонша за стойкой, тетка лет пятидесяти, подняла на него усталый и равнодушный взгляд.

– Да хоть на Луну. Простым, заказным?

– Как дешевле, – ответил он. И тут же встревоженно уточнил: – Но чтобы точно дошло!

– Куда ж оно денется. – Почтальонша глазами указала на стойку. – Ну?

Он не понял.

– Письмо-то где? – пояснила она, скользнув оценивающим взглядом по его лицу, чистому пальто и нелепой шапке.

«Странный тип. Но трезвый».

Он молча, с торжественностью архивариуса извлек из внутреннего кармана пальто потрепанный конверт. Тот был подписан аккуратно, каллиграфическим почерком. Когда-то он делал сложные чертежи, оказывается, не совсем утратил навык.

– Однако! – Почтальонша посмотрела, что написано на конверте, и хмыкнула.

«Свихнулся дедка», – подумала она, но ничего по этому поводу не сказала. У самой дома свекор восьмидесятилетний – тот еще маразматик.

Она взвесила конверт на электронных весах, объявила стоимость услуги.

Цена кусалась, но он не стал возмущаться. Так же медленно и торжественно вынул из кармана засаленную, но аккуратно сложенную пачку десятирублевых и полтинников – его последние сбережения, трудовой доход от собранных бутылок. Отсчитал названную сумму, разгладил каждую купюру и передал почтальонше.

Пока та клеила марки, он стоял не двигаясь, уставившись на конверт, как будто силой воли мог заставить его долететь быстрее.

– Обратный адрес указать? – уже почти автоматически спросила почтальонша, готовясь что-то написать на обороте.

– Нет, – ответил резко, почти испуганно, и его рука непроизвольно дернулась, будто он хотел прикрыть конверт ладонью. – Не нужно. Без обратного.

Почтальонша снова посмотрела на него.

«Странный. Очень странный. Точно – маразматик».

Она пожала плечами. Чужой маразм ее не касался.

– Как знаете, – буркнула почтальонша и бросила конверт в серый пластиковый лоток с надписью «Международная корреспонденция».

Он не сразу ушел. Постоял еще несколько секунд, буровя взглядом свой конверт, упавший на кучу других. Потом выдохнул: миссия выполнена. Развернулся и двинулся прочь, вышел за дверь и растворился в сером питерском дожде.

Почтальонша проводила его безразличным взглядом, качнула головой и крикнула:

– Следующий!

Электронная очередь сбоила, приходилось дублировать ее голосом.

Глава 1. Проблемная прогулка по болоту

– Никто не против музыки? – спросил Боря и тут же включил радио.

Дома у него основной источник звуков – голосистый четырехмесячный младенец. На таком фоне даже песнопения нетрезвых посетителей караоке все равно что ласковый бриз в сравнении со штормовым ветром.

Радио неразборчиво замычало, заныло, демонстрируя поднадоевший модный тренд на безголосых исполнителей с проблемной дикцией.

Марфинька поморщилась, похлопала себя по уху рукой в тонкой перчатке и выговорила показательно отчетливо:

– Эта безобразная профанация вокального искусства вызывает у меня огромное беспокойство!

– Тебя тревожит очевидный упадок культуры? – с пониманием уточнила тетя Ида.

– И это тоже, – кивнула та. – Но также я беспокоюсь о собственном здоровье: мне начинает казаться, будто у меня проблемы со слухом. Я совершенно не разбираю слов этой, с позволения сказать, песни! Слышу только «Мяу-мяу-мяу люблю – мяу-мяу-мяу куплю»... или «коплю»? Ничего не понимаю.

– Может, это о покупке жилья в ипотеку? – уныло предположил Боря. – Куплю, когда накоплю, потому что люблю.

Он вздохнул, и все посмотрели на него с сочувствием.

Боря, которого друзья за глаза кличут Фабержонком, потому что он молодой, но талантливый ювелир, активно ищет возможность превратить свою однокомнатную квартиру в двушку, а лучше сразу в трешку, чтобы улучшить жилищные условия пополнившегося семейства. Боря договорился о продаже однушки и даже взял залог, но еще не нашел новую квартиру. В тех вариантах, которые он уже смотрел, неудовлетворительная звукоизоляция, а младенец у них с женой на редкость голосистый, запросто мог бы посрамить Шаляпина.

Собственно, именно из-за желания хоть немного отдохнуть от вокализов ребенка Боря с легкостью согласился на просьбу тети Иды свозить нашу компанию в эко-парк «Сестрорецкое болото». Я там прежде не бывала и не представляла, чего ждать от местности такого типа, а Боря знал: тишины. Тетушка же организовала эту поездку, чтобы порадовать Марфиньку, которая сетовала, что, сидя в городе, мы пропустим волшебную пору цветения болот.

– Ах, нам предстоит увидеть настоящую сказку: белая ночь, дымка тумана, заросли цветущей калужницы! – анонсировала предстоящее нам зрелище Марфинька уже в машине. – Поляны водяных ирисов, испещренные крупными желтыми цветами! Зеленые кочки мха «кукушкин лен», белые ватные шарики пушицы, цветущие ковры вахтовых топей, подбела и вереска!

– Откуда такие глубокие познания? – шепотом спросила меня Ирка.

Она примчалась в Питер, узнав, что Боря срочно продает свою квартиру, и стала тем самым покупателем, который с ходу расщедрился на залог. Жить в одном дворе со мной, буквально окна в окна – Иркина давняя мечта, и малая площадь Бориной однушки ее не смущает. Подруга не собирается обитать в этом скромном жилище постоянно и рассматривает его как своеобразную дачу, только не в деревне, а в культурной столице.

– У Марфы был такой поклонник, – ответила за меня тетюшка. Мы сидели сзади втроем, уступив Марфиньке лучшее пассажирское место впереди. – Профессор ботаники, видный специалист-болотовед. Ежегодными выездами на цветущие топи она чтит его память.

– А поклонника-альпиниста у нее не было? Мы никак не соберемся на Памир, а тоже было бы интересно, – сказала Ирка, открывая свою сумку-самобранку. – Кто хочет шоколадку? Пора, мне кажется, немного подкрепиться.

Мы выехали из города после ужина, поскольку Марфинька утверждала, что поздним вечером в начале июня на болотах совершенно дивный свет, при котором получают волшебные снимки. В твердом расчете на удачную фотосессию она старательно экипировалась, как язвительно отметила тетушка, «а-ля профессор Паганель».

Наряд включал брючки и курточку со множеством карманов, лайковые перчатки и резиновые сапожки. На шее у нашей мадам Паганель висел бинокль, на голове красовалась красная джинсовая шляпка-горшок. Она диссонировала с прочими элементами наряда в болотно-зеленых тонах, но это Марфиньку не смущало.

– Красный отлично сочетается с хаки, а яркий акцент актуальному монохромному луку просто необходим, – авторитетно заявила она.

Все остальные не восприняли дефиле по болоту как повод одеться и снарядиться как-то необычно, разве что тетушка на всякий случай взяла с собой походную палку.

В городе она ею не пользуется, это у нее специальный аксессуар для выездов на природу: ультралегкая алюминиевая телескопическая трость с удобной противоскользкой ручкой, противоударным пружинным механизмом, снижающим нагрузку на запястье, прочным регулируемым ремешком и наконечником из вольфрамовой стали со съемным резиновым колпачком.

Я запомнила эти характеристики, потому что их мне раз десять озвучила Ирка. Это она преподнесла тете Иде чудо-трость на какой-то из дней рождения. И это ради нее, я полагаю, благовоспитанная тетушка взяла волшебную палку в наш общий поход: показать, что подарок пришелся ко двору и не пылится где-то в углу за шкафом.

– А еще твою красную шапочку далеко видно, – негромко добавила тетя Ида, и, думаю, все поняли, что она хотела сказать на самом деле.

«Ты тут не потеряешься», вот что.

Марфинька, надо сказать, не из тех блеклых личностей, кто может потеряться в толпе, чего не скажешь о безлюдной местности. Она запросто заблудится хоть в трех соснах, хоть в вишневом саду, если только те не бутафорские, взрощенные декораторами на театральной сцене. Ориентирование на местности – не ее вид спорта. Собственно, именно поэтому чтить память своего болотного поклонника она осмотрительно отправляется в дружеской компании.

К тому же у Марфиньки время от времени случается весьма своеобразное помрачение рассудка: она впадает в детство, точнее, в юность. Напрочь забывает семь десятков лет своей жизни, думает, что ей всего шестнадцать, и ведет себя соответственно.

Я считаю, такой деменции можно только позавидовать. Большинство людей, наоборот, уже в молодости чувствуют себя старичками.

На болоте, вопреки ожиданиям тети Иды, Марфинька все-таки сумела потеряться, но, к счастью, не одна, а вдвоем с Ирккой, которую назначила своим персональным фотографом. Оказалось, я неправильно представляла себе круговой маршрут как четкое кольцо. Там, где путь шел по толям, сойти с него было невозможно, но на возвышенностях, поросших густым хвойным лесом, тропа то и дело разветвлялась, позволяя выбирать из множества вариантов.

Тетушка, чтобы не запутаться, предложила мне использовать принцип лабиринта: всегда сворачивать направо. А Марфинька металась по дорожкам хаотично, выбирая лучшие места для фотосъемки, поэтому мы быстро потеряли ее из виду и лишь время от времени слышали доносящиеся из-за кустов и деревьев голоса. Это были преимущественно реплики многоопытной модели, объясняющей терпящему терпение фотографу, что и как он должен делать.

Что до Бори, то он плелся позади всех, нога за ногу, руки в карманах, с блаженной тихой улыбкой на раздумывавшемся лице. Никаких снимков не делал, туда-сюда не шнырял, шел себе прямо, куда глаза глядят.

Таким образом, на сухих лесистых пригорках мы разбрелись в разные стороны, но снова собирались вместе там, где единственным пригодным путем был слегка приподнятый над болотом деревянный настил специальной дорожки.

На подходе к очередному такому месту тетушка вдруг встревожилась. Встала на цыпочки и закачалась, как кобра на хвосте, одну руку приложив козырьком ко лбу, а другой ухватившись за сосновый сук, чтобы не упасть. Закатное солнце уже не один час висело как прибитое, на одном месте над горизонтом, и против света было плохо видно, но тетушка все же углядела:

– Что это там такое краснеет?!

Краснеть на болотах могла бы клюква, но она в настоящий момент была представлена только цветочками. Да и алое пятно – модный яркий акцент на буро-зеленом фоне – было великовато, чтобы сойти за ягоду или грибочек. Хотя конфигуративное сходство с выпуклой шляпкой мухомора определенно усматривалось.

– Не надо так волноваться! – Я попыталась удержать тетушку в ее порыве, но не успела.

Родная старушка чайкой полетела с пригорка: раскинув руки, как крылья, и горестно вскрикивая. Я догнала ее уже на деревянном настиле, по которому тетушка пронеслась, стуча каблучками, как испанская танцовщица. Затормозила только на специальной площадке с лавочками и стендом с информацией для туристов. Вцепилась в перила, перегнулась через них, всмотрелась:

– Там точно шляпа!

В ее голосе уже звенела колокольным набатом подступившая паника.

– Она там может быть сама по себе, без хозяйки. – Я попыталась успокоить разволнованную старушку. – Вспомни, панамку дважды сносило с головы Марфиньки ветром.

В самом деле, за время прогулки нам уже приходилось возвращать красную шляпу на ее законное место. Один раз я сама гналась за ней по мшистым пригоркам, на которых округлый головной убор резво подпрыгивал, коварно меняя направление движения. Во втором случае Ирка проявила себя как гениальный голкипер, выхватив сорвавшуюся в полет панаму из воздуха.

Теперь пришел черед Бори охотиться на беглую шляпу.

– Скорее, мальчик мой, держи! – Тетя Ида вручила ему свою трость. – Достань ее!

– Но я отсюда не дотянусь, – заволновался Боря, опасливо глянув на трясину.

Миниатюрный джинсовый купол краснел метрах в трех от настила.

– Трость раскладная, а ты высокий, худой, легкий, – оглядела его я. – Если ляжешь и поползешь, то не сразу погрузишься, и мы тебя вытянем назад за штанины... Наверное.

– Если утону в болоте, Джуля меня убьет. – В голосе Бори уверенности было намного больше, чем в моем.

– Не надо лезть в болото! Вы с ума сошли? – рассердилась тетя Ида. – Разберите палку, там внутри встроенная удочка!

– Seriously? Ой, и правда! – Боря живо развинтил трость и, как любой мальчик, обрадовался новой игрушке. Он опасно взмахнул удочкой, вынудив меня пригнуться. – Отойдите-ка подальше, сейчас я ее подцеплю... Ловись, ловись, шапка, большая и маленькая...

Бормоча волшебные рыбацкие заклинания, наш юный друг со свистом запустил ключок на леске в болото и вскоре вытянул на берег свою добычу.

– Но это же не она! – взглянув на выловленный головной убор поближе, заметила тетя Ида недовольно, что было совершенно нелогично. – Это не Марфина панамка!

– Вот и хорошо! – сказала я. – Значит, ты можешь не волноваться за свою подружку, с ней все в порядке.

– С ней-то – да, – каким-то странным голосом произнес за нашими спинами Боря.

Вручив нам промокшую и испачканную красную бейсболку, он не удовлетворился результатом и продолжил свои упражнения с удочкой.

Напрасно.

На этот раз крючок зацепился за что-то тяжелое, вспучившее бурую гладь подобием большущей кочки.

– Ой нет, – пробормотала я.

Захотелось зажмуриться.

– Да вашу дивизию! – воскликнула обычно очень вежливая и культурная тетушка и хлопнула себя руками по бокам. – Так я и знала! Вот сразу, как только увидела эту красную кочку, подумала: не к добру! У меня моментально возникло плохое предчувствие!

– Настолько плохое? – усомнилась я, одним глазом (второй все-таки закрыла) посматривая на приближающуюся к берегу темную массу.

Бурая торфяная жижа с нее стекала, и уже можно было разглядеть на выступающей поверхности ряд ярких желтых точек.

И я даже одним глазом прекрасно видела, что это не болотные огни, а позлащенные закатным солнышком металлические пуговицы.

– Это безобразие, – брюзгливо сказала Ирка, неприязненно глядя на торчащую на горизонте башню Лахта-центра.

Неправильно ее назвали, надо было в честь Фигаро, который и тут, и там. Единственный (пока) в Питере небоскреб обладает поразительной способностью портить пасторальные виды всех окрестностей Северной столицы. Хоть по берегу залива гуляй, хоть по лесам и горам, хоть по болотам – отовсюду увидишь эту башню.

– Тебе тоже не нравится? – Я проявила солидарность с подругой, но мягко намекнула, что наше с ней мнение не единственное.

– Как мне может понравиться то, что я успела буквально к шапочному разбору?

Стало понятно, что речь не о башне.

Я оглянулась на красную бейсболку, лежащую на краю деревянного помоста – рядом с удочкой, удерживающей от погружения в пучину трясины предполагаемого владельца головного убора. Удочку, в свою очередь, удерживала оригинальная конструкция из чашки типа пиалы и пестика, и то, и другое – красного гранита.

Их Ирка купила в сувенирном магазине и выдала мне, когда я попросила что-нибудь тяжелое. На чашке было написано: «Не изгладится из памяти», на пестике: «Стирая грани реальности». Полагаю, изготовители сувенирной продукции так иносказательно вели речь о Питере, но и к нашей ситуации оба девиза подходили просто превосходно. Сами предметы тоже хорошо подошли: увесистые, они надежно придавили удочку к доскам. Сидеть с ней в руках, когда на крючке труп, никому не захотелось.

Оставалось надеяться, что предполагаемый владелец красной бейсболки покинул этот деревянный настил в частности и жизнь вообще не в результате удара тупым тяжелым предметом по голове. В противном случае гранитные сувениры могли нас серьезно скомпрометировать в глазах полиции.

Ту оповестила тетя Ида, позвонив, как я поняла, одному из генералов, что в бытность свою лейтенантами по роду службы имели отношение к КБ, которым она руководила. О той своей ответственной работе тетушка повествует крайне скупно, но, если вдруг вы попросите ее рассказать, чем «Фокстрот» отличается от «Танго», а «Пиранья» от «Макрели», не удивляйтесь, услышав профессионально подробный рассказ не о танцах и рыбках, а о конструктивных особенностях легендарных советских подводных лодок.

– Ты мало что пропустила, – успокоила я подругу. – Позвонила тебе сразу, как только Боря выловил тело.

– А надо было звонить сразу, как только твоя тетя увидела шляпу в болоте!

– Будь оно неладно. – Я попыталась сместить акцент, обвинив в происходящем злосчастные топи. – Пожалуй, это худшая прогулка по болотам после той, на которой Холмс и Ватсон встретили собаку Баскервилей!

– Да, точно, они же тоже неудачно погуляли по болотам! – Ирка неожиданно повеселела, потеряла ладони и развернулась на лавочке так, чтобы видеть удочку и все, что с ней рядом. До этого момента мы обе старались смотреть в другую сторону. – Значит, так тому и быть. Расследуем это дело!

– Нет у нас тут никакого дела!

– Ошибаешься! Как всегда говорит наш друг полковник Лазарчук? «Нет тела – нет дела». Значит, правильно будет и наоборот: «Есть тело – есть дело». – Ирка достала из кармана смартфон. – Кстати, о полковнике... Он же еще не спит в этот час, как ты думаешь?

Я думала слишком медленно и не успела ее остановить.

– Привет, привет, Сереженька! – заворковала подруга в трубку, поразительно быстро дозвонившись. Не иначе, наш друг Лазарчук все-таки уже спал и, расслабившись, не посмотрел, кто его вызывает. – Как поживаешь? Привет тебе от Ленки. Мы с ней гуляем этой прекрасной белой ночью по болоту и вспоминаем о тебе.

– Почему это? – с нескрываемым подозрением поинтересовался хриплый спросонья голос в трубке. – Где я, а где белые ночи, не говоря уж о болотах...

– Страшно далеки вы друг от друга, – посетовала Ирка, – а жаль! Ты бы нам тут сейчас очень пригодился.

– Для чего это?

– Как минимум для консультации. Вот скажи, мы же правильно поступили, что удержали тело от погружения обратно в трясину? – В голосе нашей подруги послышалось легкое беспокойство.

– Что-что вы сделали?! – Беспокойство в голосе нашего друга сделалось крайне тяжелым.

– Дай мне. – Пока Ирка подбирала слова, я отняла у нее смартфон. – Привет, Серый. У нас тут небольшое ЧП. Ну, как небольшое? – Я покосилась на туго натянутую леску. – Килограммов на семьдесят, наверное. Мы, видишь ли, случайно – я подчеркиваю: абсолютно непредумышленно! – выловили из болота, как бы это помягче сказать, неживого человека.

– Попросту говоря, труп. – Подруга одним разом вернула себе аппарат, апломб и право слова.

– Чей? – Судя по скрипу, полковник выбрался из кровати. Расхотелось ему спать.

– Без понятия! Мы его не рассматривали, не больно-то хочется. – Ирка поежилась. – Но разошлись во мнениях относительно того, что с ним делать.

– А были варианты? – В трубке звякнуло и забулькало. Не иначе, полковник налил себе чего-то для укрепления нервов.

– Ну, Боря предлагал утопить его обратно, для этого достаточно было снять тело с удочки, трясина прекрасно засосала бы его снова. Но остальные решили, что это будет неправильно, второй раз его тут фиг найдут, даже если мы покажем примерное место, – обстоятельно объяснила Ирка. – Это знаешь какое болото? Заповедное! Крупнейший заказник Санкт-Петербурга – площадью 1877 гектаров! – Она повернулась к стенду и стала беззастенчиво считывать с него информацию, все больше воодушевляясь: – Один из редких природных объектов, практически не затронутых человеческим воздействием! Сестрорецкое болото никогда не подвергалось осушению, и самые древние его участки существуют без изменения уже восемь тысяч лет!

– Представляю, сколько всего такого в нем можно найти, – проворчал Лазарчук в трубке.

Мы с Иркой переглянулись: почему-то не думали об этом.

– Даже скелеты динозавров, наверное! – Подруга подпихнула меня локтем.

– Не будем мы искать динозавров, – поспешно сказала я, чтобы уменьшить ее энтузиазм. – Во всяком случае, не сегодня. Сейчас нам бы полицию дожидаться.

– А вызвали? – деловито уточнил Лазарчук. Он уже собрался с мыслями и чувствами. – Хорошо. И что от трупа не избавились, правильно сделали. Не трогайте его только. В болоте мокро, конечно, биологических следов не осталось... Он, кстати, насколько свежий, ваш труп-то?

– Вот уж чего не знаем, того не знаем. Говорю же – мы его не разглядывали, тем более не обнюхивали... Мы ж не собаки Баскервилей. – Ирка хохотнула, но нервно. – Но одежда на нем не зимняя: бейсболка, курточка...

– И он точно не лежал в болоте с прошлого лета, – добавила я, снова сунувшись поближе к трубке. – Иначе металлические пуговицы на куртке не блестели бы. Да что там, иначе его приметная красная бейсболка давно бы уже привлекла внимание!

– Похоже, свежачок, – резюмировал полковник. – Ну, готовьтесь быть первыми подозреваемыми.

Мы с Иркой снова переглянулись, на этот раз безрадостно.

Вот как раз об этом мы уже думали. И надеялись только на тетушкиных генералов, которые как-то отмажут нас, таких огорчительно находчивых.

Полиция приехала минут через сорок после вызова.

Наши мадамы и с ними Боря тут же прибежали из леска, где сидели на удобных пеньках, подкрепляясь чаем из термоса. Делать это на помосте, рядом с выловленным из болота телом, было бы, по меньшей мере, неэтично, а наши мадамы прекрасно воспитаны.

– Интересно, в центре города их, если нужно, не дожدهшься, а на болото прискакали без задержки! – Марфинька – нет бы похвалить служивых – заглазно выкатила им претензию.

– Это, наверное, потому, что Сестрорецкое болото находится на территории сразу трех муниципальных образований, – предположила Ирка, успевшая за сорок минут прочитать весь текст на информационном стенде.

– Вот это, поверь мне, скорее, отягчающее обстоятельство, – сказала тетя Ида и тут же улыбнулась, потому что предводитель прибывших, едва завидев ее, отвесил галантный поклон. – Но не в нашем случае. Здравствуйте, здравствуйте, Петенька! Как поживает дорогой Митенька?

– Генерал Толстопятов поживает прекрасно и вам, драгоценная Ираида Львовна, желает того же. – Крепкий молодой мужчина в штатском подошел приложиться к ручке тетушки. – Ну, показывайте вашу находку.

– Это там. – Тетушка указала пальчиком, но с места не тронулась и нас с Иркой придержала за полы курточек. – Все, все, девочки, наше дело сделано, дальше будут работать специально обученные люди... Петенька, мы еще нужны или можем ехать? Час поздний, а у некоторых из нас возраст и, как следствие, режим.

Не знаю, кого она имела в виду. Точно не себя и Марфиньку, потому что они-то никакому режиму не следуют. «В наши годы уже все можно!» – таков девиз наших бойких старушек.

Но Петенька, на секунду отвернувшись от пресловутой находки, одним кивком разрешил всей честной компании следовать какому угодно режиму, и тетушка заторопилась, отгоняя нас прочь.

– А опрос? Или, как его, допрос? – расстроилась Марфинька. – Его разве не будет?

Старая актриса наверняка уже приготовила впечатляющий драматический монолог. Тот факт, что она, как метко выразилась Ирка, поспела только к шапочному разбору, не помешал бы ей сорвать аплодисменты.

– Будет, но завтра. – Тетя Ида подмигнула Боре, и тот взял Марфиньку под руку, чтобы увести со сцены.

До машины, оставленной за границей эко-парка, мы дошли удивительно быстро, увеличив скорость передвижения раза в четыре. Оно и понятно: теперь мы по сторонам не смотрели и фотоснимков не делали.

Все, знаете ли, имеет пределы, даже наше любопытство.
Думаю, в этот момент мы бы и явление собаки Баскервией проигнорировали.

Глава 2. К нам едет Бэкингем!

Ночевали мы все у Марфиньки в ее большой квартире в старом доме на канале Грибоедова. Это было запланировано заранее, потому что Борю на время его отсутствия в родных стенах подменила теща, и для него там просто не осталось спального места. А мне без Бори с его личным транспортом пришлось бы добираться домой на такси, что по ночному тарифу обошлось бы недешево.

У Марфиньки мы все разместились достаточно удобно. Боря занял диван в гостиной, тетушка ночевала вместе с подругой в большой хозяйской спальне, а я и Ирка – в маленькой, которую Марфинька называет «Синяя», а все остальные (с моей подачи) – «Голышова».

Синей-то она была полвека назад, когда обои цвета ультрамарин только поклеили. Надо отдать должное качеству материалов и работ былых времен: за пятьдесят с чем-то лет обои не отвалились, не порвались, не потерялись, но насыщенный цвет все же подутратили, сделавшись зеленовато-голубыми.

В этом был свой шарм – обаяние старой доброй старины, но на фоне поблекшей синевы особенно бросалась в глаза насыщенная желтизна золоченых телес младенцев, обнимающих циферблат старинных часов в массивном корпусе благородного темного дерева. Не знаю, что по задумке автора символизировали собой часовые-младенцы ню, но их сияющие литые попы – первое, что бросается в глаза при входе в комнату. Именно поэтому я окрестила ее Гольшовой.

Поскольку старинные часы, несомненно, доминируют в интерьере, Марфинька – наша ценительница ярких акцентов – оставила бы их на месте даже в том случае, если бы они не функционировали. Но старинные часы, что удивительно, продолжают исправно тикать, а периодически и бомкать. Очередное их «бом-м-м-м», повторенное несколько раз (я не успела сосчитать), меня и разбудило.

Я села в своей кровати и посмотрела на соседнюю: она была уже пуста и даже аккуратно заправлена. Очевидно, Ирка проснулась раньше и теперь занималась приготовлением завтрака для всей компании. Из кухни-столовой, расположенной как раз напротив гостевой-голышовой спальни, доносились приглушенные дверью, но все же узнаваемые характерные звуки. Хлопали дверцы шкафчиков, гремели кастрюли-сковородки. Звон фарфора еще не слышался, и я решила, что пока не буду вставать. Подожду, пока подруга позовет всех к столу.

Хотя Ирка, наверное, не отказалась бы от помощи. На это деликатно намекала широкая щель между плотными шторами. Разбудить меня подруга постеснялась, но коварно приняла меры к тому, чтобы утреннее солнце сделало это за нее. Яркие лучи, проникшие в комнату, нежно ласкали золотых младенцев, отражаясь от их литых телес спящими бликами и делая помещение более пригодным для проведения дискотеки, чем для сна.

Я вздохнула и вылезла из-под одеяла. Сунула ноги в тапки, нашла на кресле свои джинсы и майку, оделась и отправилась в санузел. В барских хоромы Марфиньки их два: один при хозяйской спальне, второй рядом с кухней, дверь которой, как я и ожидала, была открыта. Ирка надеялась, что кто-нибудь услышит, как она хлопчет, усовестится и явится помогать.

– Я в туалет и сразу к тебе, – скороговоркой сообщила-пообещала я, без задержки проходя мимо, но притормозила у распахнутых настежь двустворчатых дверей гостиной.

Там спал Боря, настолько привыкший к младенческому ору без пауз, что никакие звуки меньшей громкости и интенсивности побеспокоить его не могли.

Поскольку своей пижамы в доме Марфиньки у Бори не имелось, в качестве одежды для сна ему была выдана длинная ночная рубашка из ситца милейшей расцветки: в мелкий розовый горошек. Простыня под спящим сбилась, одеяло он скинул, и прелестный ситчик разительно контрастировал с грубой коричневой кожей старого дивана, цветом и очертаниями похожего на крупное животное вроде бегемота или быка.

– Картина маслом! – восхитилась я и пояснила Ирке, высунувшейся на мой голос из кухни: – С Фабержонка сейчас можно писать «Похищение Европы».

– Что за похищение? – не поняла подруга.

– «Похищение Европы» – популярный сюжет в искусстве, основанный на древнегреческом мифе о похищении Зевсом, принявшим облик быка, финикийской царевны Европы. Среди наиболее известных картин на эту тему можно выделить работы Тициана, Рени, Серова и Тьеполо. Доброе утро, девочки, – к нам присоединилась тетя Ида, уже умытая, причесанная и даже с бусиками на шее.

Она посмотрела на Борю-Европу на диване-быке, усмехнулась и добавила:

– Эта вариация ближе к Серову, у него тоже бык красно-коричневый, а не белый, как у большинства других мастеров кисти. – И снова повернулась к Ирке: – Картина Серова хранится в Третьяковской галерее.

– Буду в Москве – загляну, – пообещала подруга и, явно желая закрыть разговор на тему живописи, в которой она плавает, пошла в кухню. – Завтрак готов, прошу всех к столу.

– Добавлю, что репродукции картин Серова, Тициана, Рени, Тьеполо, а также Рембрандта и де Труа, – а они все писали сюжет с похищением Европы, – есть в тех альбомах, которые хранятся в шкафу в Синей комнате, – следуя за ней, спешно договорила тетушка, наш неутомимый просветитель, торопясь выдать эту важную информацию до начала завтрака.

Она глубоко убеждена, что за трапезой, не важно завтрак это, обед, ужин или перекус вне расписания, говорить нужно мало и исключительно о приятном. Чем меньше слов, тем лучше, а потому люди за столом должны использовать рты преимущественно по основному назначению – для приема пищи, а всяческие говорящие устройства вроде телевизора, радио и телефонов надлежит выключать.

Приученные выполнять это неписаное правило, мы сели за стол, обмениваясь не репликами, а исключительно взглядами и улыбками. Но пока все остальные брали в руки столовые приборы, Марфинька, вечная бунтарка, схватилась за газету. У нее свое представление о правильном завтраке: она считает, что утренний прием пищи органично дополняется получением новостей.

Тетушка нахмурилась. Кому-то помоложе она непременно сделала бы замечание, если не выговор, но за своей лучшей подругой и ровесницей вынуждена признавать право на само-

определение. Потому, сверля недовольным взглядом развернутую бунтаркой газету, тетя ограничилась напоминанием:

– Марфа, твои оладьи стынут.

– Что совершенно недопустимо, – пробормотала из-за бумажного занавеса старая актриса, продолжая обделять вниманием оладьи и одаривать им печатную прессу.

Я, Ирка и Боря уже жевали свои порции, с интересом наблюдая за происходящим.

Признаться, обычно наши завтраки в присутствии тети Иды скучноваты. Дежурные разговоры о погоде редко бывают увлекательны.

– Марфа! Ирочке сегодня необыкновенно удались оладьи, и ты непременно должна их оценить. – Тетушка попыталась сменить тактику, нажав на болевую точку подружки – пробелы в воспитании.

Хорошие манеры – то, чем наши мадамы заслуженно гордятся.

– Безусловно, не премину воспользоваться случаем, – вежливо отговорила Марфинька, судя по отстраненному тону – на автомате.

– Это просто возмутительно. – Тетушка положила приборы и потянулась к газетному занавесу, явно намереваясь собственноручно удалить его со сцены.

Не вышло: газета как раз взлетела, устремляясь вслед за читательницей. Марфинька поднялась со стула, продолжая держать развернутый печатный лист перед собой, с весьма неожиданной репликой:

– Бог мой, неужели? Я не могу в это поверить!

Тетушка закатила глаза и покачала головой, безмолвно призывая всех присутствующих в свидетели: ее опасения были не напрасны, несвоевременное чтение газеты испортило-таки чинную-благородную трапезу!

– В чем дело, Марфа?

Газетный лист поехал вниз, Марфинька выглянула из-за него, как Петрушка из-за ширмы кукольного театра.

Нет, не Петрушка: как его традиционный противник, огорошенный ударом палки по голове.

Я покосилась на тетю Иду. На ее лице демонстративное негодование сменила неподдельная тревога.

– Что случилось, дорогая?

– Идочка, это просто невероятно. К нам едет Бэкингом! – объявила Марфинька и обвела сидящих за столом одновременно потрясенным и вопрошающим взглядом: понимаем ли мы всю невозможность и грандиозность заявленного?

Мы понимали, и еще как!

Ирка вытаращила глаза, я открыла рот, Боря уронил с вилки щедро намазанный вареньем оладушек, и тот шмякнулся мимо тарелки на стол с квакающим звуком, дающим понять: даже оладушек безмерно изумлен!

В театре, где всю жизнь служила Марфа Ивановна Зарецкая, после очень похожей фразы «К нам едет ревизор!» следует немая сцена. Воистину, жизнь есть театр: мы тоже замерли.

Эффект смазала тетя Ида, которая и не оцепенела, и не онемела. Она спокойно глотнула чаю и делано равнодушно поинтересовалась:

– Он еще жив, в самом деле?

Это была явная попытка вернуть происходящее в рамки вялотекущей светской беседы, но она не удалась.

– Какой Бэкингом? Тот самый, из «Трех мушкетеров»? – ожила Ирка. – Который с Анной Австрийской мутил?!

– Да бог с тобой, дорогая, действие романа Александра Дюма-старшего «Три мушкетера» происходит в семнадцатом веке! – Вот теперь тетушка откровенно шокировалась. – Разуме-

ется, это совсем другой Бэкингом! И мутил он, как ты выражаешься, не с той Анной, а с нашей Марфой!

Взгляды публики устремились к мадам Зарецкой. Она польщенно улыбнулась, раскланялась и отдала газету тете Иде:

– Ты посмотри, что тут пишут!

– Позже посмотрю. – Тетушка все еще пыталась спасти чинный завтрак.

– А я прямо сейчас! – Я забрала газету, поискала глазами: – Где читать?

– Тут! – Пальчик с неброским, но безупречным маникюром постучал по бумаге. – Анонс открытия выставки. С ума сойти, мой Бэкингом!

Марфинька со вздохом опустила на стул, талантливо отыгрывая миниатюру «Прекрасная дама со светлой грустью вспоминает былые времена и давно забытого возлюбленного».

– Минутку, потом повторите на «бис», – попросила ее я, в свою очередь утыкаясь в газету. – Ага, вот: «В популярном культурном пространстве “Клюквин” откроется фотовыставка “Лондон – Ленинград: Взгляд сквозь железный занавес”, на которой будут представлены работы известного британского журналиста и фотохудожника Джорджа Вильерса. Посетители увидят фотографии из СССР 1970-х, сопоставленные с архивными кадрами британской жизни того же времени и являющие зримый контраст двух миров: очереди за колбасой и пабы Лондона, “Жигули” и “Роллс-Ройсы”, сборы советских пионеров и тусовки английских панков».

– Довольно банально, по-моему, – поморщилась тетя Ида.

– Погоди, тут дальше пооригинальнее. – Я еще не дочитала до конца. – «Предполагается, что особый интерес публики вызовет тематическая подборка фотографий “Советский гламур: мода, музыка и запрещенный шик”. Это яркий рассказ о том, как за железным занавесом копировали западную моду, шили наряды по французским журналам, слушали “Битлз” на рентгеновских снимках – репортаж с акцентом на личные воспоминания современника и очевидца».

– А Бэкингом-то где? – Ирка опасно склонилась набок, заглядывая в газету передо мной, но искомого не нашла. Заметка была без фото.

– Ну, деточка, Джордж Вильерс – это и был первый герцог Бэкингом, – объяснила ей тетя Ида. – Известный британский журналист и фотохудожник, о котором идет речь в заметке, дальний родственник знаменитого герцога через не получившую титулов младшую ветвь семьи, а заодно и тезка.

– Его семья относительно обеднела, но фамилия осталась – и Жорик использовал ее как психологическое преимущество. Боря, подай мне, пожалуйста, мед. – Марфинька решила не ждать и приступила к оладьям. – О, в самом деле, очень вкусно! – Она благосклонно покивала Ирке, лицо которой все еще выражало недоумение.

– Жорик – это Джордж, – вставила тетушка.

Марфинька кивнула и ей:

– Как мило, что ты помнишь, – и усмехнулась. – Ему не очень нравилось это имя, зато весьма импонировало прозвище Бэкингом. Говоря откровенно, наш Жорик был снобом и никогда не упускал возможности упомянуть о своем родстве со знаменитым герцогом.

– И в этом определенно был смысл, – напомнила ей тетя Ида. – Наши чиновники, читавшие Дюма, относились к нему с благожелательным любопытством. У него даже завелись покровители среди советской номенклатуры, кажется, кто-то из Министерства культуры? Уже не помню. Но, несомненно, это упрощало Жорику работу.

– Он был вхож на все мероприятия и даже в театральное закулирье, – кивнула Марфинька. – Где, собственно, мы с ним и познакомились...

Тут она многозначительно улыбнулась и сделала долгую паузу.

– Как сейчас помню: ты играла Раневскую, – пробормотала тетя Ида.

– Не лучшая моя роль, но Жорик только увидел меня – и влюбился! – Марфинька вся засияла: глаза, улыбка! – Я была в атласной юбке цвета охры, сверху узкой, а к низу расклешен-

ной, и в кружевной блузке цвета крем-брюле. Рукава с буфами, манжеты на костяных пуговках, высокий воротничок, под горлом камей, а на плечах узорчатая золотая шаль, которая отблескивала в свете софитов, привлекая ко мне все внимание публики – ах, как же это было красиво!

Она снова замерла, притиснув руки к груди и подняв взор к потолку.

– Красиво, да... Но больше полувека прошло. – Тетушка недоверчиво покачала головой. – Я думала, Жорик Вильерс давным-давно умер, но оказывается, что он живехонек и даже снова приезжает... Действительно, удивительно.

– Не вижу ничего удивительного в том, что пылкая натура поддалась ностальгии, – недовольно заметила Марфинька.

Ей не понравилось, что подруга нарушила ее мхатовскую паузу и беспощадно снизила пафос сцены.

– О ком это ты сейчас? – невозмутимо уточнила тетушка.

– О Бэкинге, разумеется! Не я же к нему приезжаю, а он ко мне!

– К тебе, дорогая, в самом деле? Но разве ты не узнала о его приезде только что – из случайной газетной заметки? – Тетушка была безжалостна.

Нехарактерно для нее. Я прищурилась, присматриваясь к родной старушке.

Определенно, с Жориком Вильерсом, потомком герцога Бэкингема, было что-то не так. Обычно доброжелательной тетушке он сильно не нравился.

– Ты не одобряла их роман? – спросила я прямо.

– Я?! – Тетушка фыркнула. – Да это я, если хочешь знать, их познакомила!

– Правда, правда! – покивала Марфинька. – Ведь поначалу Жорик ухлестывал за Идочкой, и в театр они пришли вдвоем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.